Для цитирования: Нехамкин В. А. Внешние аналоговые модели в социальном познании: причины возникновения, типология, перспективы использования // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 21—30.

УДК 009; 303.09

ВНЕШНИЕ АНАЛОГОВЫЕ МОДЕЛИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор. Российская Федерация, 119602, г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1. E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В работе оценивается роль внешних аналоговых моделей в гуманитарных науках, при познании общества. Показаны причины появления таких конструкций. Уточняется определение данного понятия. Производится демаркация внешних и внутренних аналоговых моделей, порожденных самим социальным познанием. Выявляются естественные науки, теоретические конструкции из которых экстраполируются в гуманитарные дисциплины: геология, география, физика, биология. Демонстрируются сильные и слабые стороны внешних аналоговых моделей, выявившиеся в ходе их практического использования для изучения человека и общества. Делается вывод, что внешние аналоговые модели для применения в социальном познании должны быть обязательно категориально и методологически апробированы. Констатируется, что поиск внешних аналоговых моделей, пришедших в социальное познание из естественных наук, не ограничивается приведенными в работе и должен быть продолжен. Статья адресована философам, историкам, социологам, представителям иных дисциплин, интересующимся проблемами моделирования в гуманитарных науках.

Ключевые понятия: социальное познание, модель, внутренние аналоговые модели, внешние аналоговые модели.

Введение

Современное социальное познание немыслимо без использования моделей. Это установленный субъектом, базирующийся на определенных теоретических допущениях и упрощении реальности, идеализированный материальный или идеальный (абстрактный) аналог объекта гуманитарного или естественнонаучного исследования, способный благодаря своей изоморфности отображать его и давать о нем новое знание [18, с. 27]. Появившиеся в XX в. теории «восстания масс» Х. Ортеги-и-Гассета, «открытого общества» К. Поппера, постиндустриального общества (Д. Белл и т. д.), «шока будущего» Э. Тоффлера, «конца истории» Ф. Фукуямы и многие другие носят характер теоретических конструкций, построенных путем абстрагирования от реальности.

Как подобные модели возникают? Одни из них приходят из самого социального познания и изучаемой им реальности, а потому могут быть названы «внутренними аналоговыми моделями». Сюда можно отнести модели: идеальных типов М. Вебера (как универсальную). А так же — человека: «рационального» (М. Вебер), «играющего» (Й. Хейзинга), «символического» (Э. Кассирер), «политического» (берет начало с Аристотеля), «экономического» (А. Смит, Д. С. Милль и др.) и т. д. — как частные. В каждой из них индивид рассматривается как «одномерный» субъект, максимально абстрагированный от «лишних» (не учитываемых моделью) элементов социальной действительности, обладающий в ней какой-то одной функцией (что позволяет ученым рассмотреть ее наиболее подробно). Модели формировались по следующей методике. Допустим, что человек занимается только политикой, у него нет иных мотивов, целей и т. д. Отсюда по аналогии с подобной абстракцией и строится модель «человека политического». Homo economicus тоже действует исключительно рационально, его мотивы поведения редуцированы к максимизации прибыли, а выбор из вариантов действий реализуется, исходя из значения его экономических последствий (выгод). По аналогии с данной теоретической конструкцией оцениваются реальные люди, их действия как экономических субъектов.

Причем, сами исследователи, подобно М. Веберу, прекрасно понимали, что их «идеальные типы» не могут полностью отражать социальную реальность: человек — не только рациональное существо, не всегда стремится к максимизации прибыли, на его

поступки влияют бессознательные мотивы, аффекты и т. д. «В действительности такой мысленный образ (идеальный тип «рациональный человек» — прим. авт.) в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это — утопия» [1, с. 389]. Но в результате использования моделей ученый получает «лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей» [1, с. 390].

Иногда оказывается мало и такого подхода: ограниченного абстрагирования человека от иррациональных или не относящихся к сугубо специфическим (политическим, экономическим и т. д.) мотивам деятельности. В основу модели в социальном познании кладется более углубленное «изолирование» людей от внешних факторов. Ведь и «рациональный», и «играющий», и «политический», и «символический» человек находятся в тесной коммуникации с другими индивидами. Отсюда в экономической теории XIX—XX вв. появляются т. н. «робинзонады» [подробно см.: 17]. Здесь описывалось сугубо (в чистом виде) «экономическое» поведение человека, удаленного от социума на необитаемом острове (по имени героя одноименного романа Д. Дефо). Оценивая итоги становления «робинзонад», Л. Мизес писал: «Ни одна идеальная конструкция не вызвала столько нападок, как изолированный экономический субъект, целиком зависящий только от самого себя. Но экономическая наука не может обойтись без него» [15, с. 230].

Ряд аналоговых моделей пришел в социальное познание из такой гуманитарной науки, как психология. Общество здесь редуцировалось к «мозгу людей», к «нервным клеткам», к «психически здоровому/больному человеку» (особенно сильно популяризовал последнюю теоретическую конструкцию Фромм в работе «Здоровое общество»). 3. Фрейд рассматривал социум через модель психики индивида, где из трех уровней сознание, подсознание, бессознательное доминирует последний (см. его работу «Будущее одной иллюзии» в сборнике «Сумерки богов»). Примеры можно продолжать, но ясно, что на изучение общества влияют и модели, пришедшие из такой гуманитарной науки, как психология [12, с. 1—14].

В ходе эволюции внутренних аналоговых моделей в социальном познании проявилась важная тенденция: постепенная минимизация их связи с реальностью. В XVII в. Т. Гоббс, создавая модель «войны всех против всех» как главной причины перехода от «естественного» общества полностью «свободных» (равных в правах) индивидов к государственному состоянию, нуждался в поиске

ее эмпирических оснований на базе аналогии с реальностью. Он писал: «Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мной, никогда не было, да и я не думаю, чтобы они существовали когда-либо как общее правило по всему миру. Однако есть много мест, где люди живут в таком состоянии и в настоящее время. Например, дикие народности во многих местах Америки не имеют никакого правительства, кроме власти маленьких родов-семей... Какова была бы жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под мирной властью правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны» [5, с. 183]. Тем самым обоснование предложенной модели на практике Т. Гоббс видел в высокой конфликтности до государственного родового строя и ее развертыванием в ходе гражданской войны (свидетелем которой в Англии середины XVII в. был философ). В более поздний период ученые-гуманитарии в таких гипотезах «не нуждаются»: они ищут подобные аналогии не в эмпирии, а в рамках самой теории, честно признавая определенную «химеричность» полученных моделей по отношению к практике.

Таковы внутренние аналоговые модели, материал для создания которых берется из самой социальной действительности и из данных гуманитарных наук. Конечно, подобные теоретические конструкции порождаются не только социологией, психологией, экономикой, политологией, антропологией, философией, но их подробное рассмотрение — тема отдельного исследования.

Другие — внешние аналоговые модели — в гуманитарных науках возникают на базе теоретических конструкций, взятых из противоположных им по предмету и методу дисциплин: естественных наук. Данному процессу способствуют различные гносеологические факторы: а) междисциплинарность (нашедшая яркое выражение в системном походе и синергетике); б) стирание жестких границ между разными типами наук; в) диффузия (перетекание) между ними методов (средств) познания; г) господствующие в научном сообществе идеалы научности (в XVII—XIX вв. образцом «точности» и «строгости» для многих ученых и философов служило естествознание в лице физики, математики, биологии, откуда в социальное познание в силу подобного убеждения «перетекали» некоторые теоретические конструкции). Внешние аналоговые модели и станут предметом анализа настоящей работы. По мнению ряда авторов, это — «извлеченные из вспомогательных (по отношению к социально-философскому знанию) областей знания заимствования, которые применяются для описания, интерпретации, моделирования, объекта социальной реальности» [12, с. 1]. Причем, данные «заимствования» выступают преимущественно в форме моделей, которые затем апробируются применительно к познанию общества, его методологии.

В статье будут поставлены вопросы. Из каких источников вырастают внешние аналоговые модели в социальном познании? В чем их сильные и слабые стороны при современном изучении человека и общества? Каково будущее таких теоретических конструкций? Для поиска ответов на них используются следующие методы: моделирование (как универсальный), структурно-функциональный анализ (при классификации внешних аналоговых моделей по дисциплинам их «происхождения»), сравнительный анализ (для сопоставления эвристического потенциала внешних аналогий, пришедших из геологии, географии, физики, биологии в социальное познание).

Источники внешних аналоговых моделей гуманитарных наук в естествознании

В качестве источников внешних аналоговых моделей, которые взяли на вооружение гуманитарные науки, можно признать следующие естественные науки: геологию, географию, физику, биологию. Рассмотрим последовательно порожденные ими наиболее популярные теоретические конструкции, их эвристический потенциал и ограниченность.

Внешние аналоговые модели в социальном познании, построенные на базе геологии

Геология как наука оказала влияние на формирование двух фундаментальных подходов в гуманитарном познании XIX—XX вв.: формационного и цивилизационного. В первом она позволила К. Марксу, Ф. Энгельсу и их последователям дать название особому способу членения исторического процесса на отдельные стадии, во втором — описать (на базе категории «разлом») механизм конфликта цивилизаций в версии С. Хантингтона.

Понятие «формация» ко второй половине XIX в. использовалось в двух науках: гео-

логии и биологии. Следовательно, К. Маркс и Ф. Энгельс могли взять его содержание из любой дисциплины, перенеся в социальные науки. В биологии (ботанике) формация (термин идет от латинского слова «formatio» — «образование»), — классификационная единица, объединяющая группы ассоциаций с общим видом (эдификатором). Так, формация сосны обыкновенной объединяет все ассоциации деревьев, где господствует их данный тип. В геологии — естественное, закономерное сочетание горных пород, связанных общностью условий образования. Формации (литологические, вулканогенные, рудные и др.) возникают на определенных этапах становления основных структурных зон земной коры. Показательно, что за основу подхода К. Маркс и Ф. Энгельс взяли именно геологическое содержание понятия. Экономическая «общность условий образования» (наличие специфического способа производства) роднит различные стадии исторического процесса, выделяемые в данной модели: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую. Сходством с формацией геологической у ее социального аналога было: неизбежность (объективность) возникновения, наличие универсальной основы выделения, появление нескольких уровней социального развития (как и у земной коры), последовательность (иерархия) расположения стадий («пластов»). Причем, К. Маркс и Ф. Энгельс дали социологические определения базовому понятию («формация»), выявили их социальную структуру (через категорию «способ производства»), осуществили классификацию именно «общественно-исторических» формаций, т. е. адаптировали пришедшее из геологии понятие для работы в социальных науках.

Геология повлияла и на цивилизационный подход (в версии С. Хантигнтона, появившейся в 1993 г.). Здесь из геологии взята категория «разлом», которая стала вторым по важности в данной концепции после собственно «цивилизации». Как и формации, он касается земной коры, но, зарождаясь в ее толще, проявляется и на поверхности. Кроме того, понятие «разлом» известно широкой публике, интерес к нему породил ряд кинофильмов (из последних — голливудский фильм-катастрофа 2015 г. «Разлом Сан-Андреас»). С данным природным феноменом связаны такие явления, как землетрясения, цунами, разрушения городов и т. п. негативные события. Отсюда американский ученый пользовался понятием, имеющим значительную (хоть и отрицательную) коннотацию в массовом сознании.

С. Хантингтон назвал свою теорию «столкновением цивилизаций». Каждая из них базируется на идентификации входящих в нее людей. Отсюда цивилизации похожи на тектонические плиты (хотя эту аналогию С. Хантингтон прямо не использовал), при смещении которых (или образовании новых) происходит «разлом» земной (и по аналогии — социальной) коры. Это вызывает соответствующие колебания, «землетрясения» в виде конфликтов на границах сталкивающихся цивилизаций.

Как используется геологическая категория «разлом» в социальном познании? Столкновение цивилизаций у С. Хантингтона протекает либо между соседними государствами, представляющими различные цивилизации (локальный или микроуровень); либо между ведущими государствами, сверхдержавами, относящимися к различным цивилизациям (глобальный или макроуровень) [26, с. 351—352]. Именно для описания событий на локальном уровне и появляется термин «конфликты по линии разлома». У понятия нет четкого определения, и его содержание приходится выстраивать по косвенным признакам, сообщенным С. Хантингтоном. (Хотя в 2000-е гг. категорию пытались формализовать иные ученые, в т. ч. отечественные [20, с. 195]). Главная причина «разлома» — «несхожесть людей между собой» [26, с. 443]. Цель борьба за контроль над народом или обладание территорией. Как минимум, один из участников конфликта стремится завоевать территорию и освободить ее от другого народа «путем изгнания, или физического уничтожения» [26, с. 444]. Получается, что одна «плита-цивилизация» и ее представители пытаются занять место (территорию) другой. Субъекты разлома — государства, принадлежащие к разным цивилизациям; группы, представляющие различные цивилизации внутри одного государства; группы, пытающиеся создать новые государства «на обломках прежних» [26, с. 351—352]. Наконец, религиозно ориентированные группы: «конфликты по линиям разлома особенно часто возникают между мусульманами и немусульманами» [26, с. 352].

Каков итог модельной аналогии у С. Хантингтона? Цивилизации подобны тектоническим плитам, «накладывающимся» друг на друга. Это приводит к их столкновению и конфликтам в местах соприкосновения. Причины такого положения дел — противоположная ментальность людей,

особенно часто проявляющаяся в религиозной форме.

Однако в методологическом плане аналоговое моделирование С. Хантингтона содержало, на наш взгляд, ряд недостатков. Он взял из геологии только одно понятие «разлом» (уподоблять цивилизации «плитам» ученый не стал), которое хотя и было немного терминологически апробировано к гуманитарному познанию, но не получило однозначного определения, форм проявления. Отсюда пример показывает: при аналоговом моделировании важно адаптировать заимствованную категорию, ее содержание для изучения общества не только формально (использовав термин «конфликты по линии разлома»), но и содержательно.

Внешние аналоговые модели в социальном познании, построенные на базе географии

География — тоже важнейшая из естественных наук, известная с античности (одноименный трактат написан в І в. до н. э. Страбоном). Она дает людям представление об устройстве Земли с точки зрения ее поверхности (геология познает преимущественно внутреннее строение планеты). На ее базе в социальном познании образовались три важные аналоговые модели: Восток — Запад, климато- и аквацентрическая. Рассмотрим их.

Восток и Запад — две стороны света. Их фиксация при изучении общества, соответствующая аналогия оказалась эвристически полезной, позволила создать ряд моделей. Во-первых, объединить по данному признаку группы государств, классифицировав их как особые цивилизации. Так, в разных версиях цивилизационного подхода (от А. Тойнби до С. Хантингтона), появившихся в XX в., присутствовали подобные образования. Во-вторых, задать (в зависимости от пристрастности исследователя) вектор социально-географической динамики цивилизаций (исторического процесса): с Востока на Запад (Г. Гегель [3, с. 147]) или иной. В-третьих, выявить общие характеристики, присущие странам, входящим в данные географические объединения. Государства Запада, как правило, базируются на рыночной экономике (поощряющей частную инициативу), демократической форме правления, их население в плане господствующей ментальности рационально, индивидуалистично. На Востоке доминируют противоположные основания социальности: государственно ориентированная (регулируемая) экономика, авторитаризм (тоталитаризм), созерцательность, коллективность [9, с. 210—215]. Наконец, либо усомниться в правильности подобной модельной классификации, объявив «дихотомию «Восток-Запад» <...> мифом» [26, с. 33]. Или считать ее константной, неизменной (как полагал писатель Р.Киплинг, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут»).

Довольно интересно, что аналогия «Восток-Запад» при моделировании социальных отношений использовалась гораздо чаще, чем отсылка к двум оставшимся частям света — северу и югу. Показательно, что первая применялась при создании моделей к международным, а вторая — к внутригосударственным отношениям (скажем, проблемы по линии Север — Юг принято выделять у Италии, иных стран) [21]. Такой подход позволил С. Хантингтону сделать вывод об относительности данного вида географического моделирования: «использование терминов «Восток» и «Запад» для обозначения географических районов является сбивающим с толку и этноцентрическим. «Север» и «Юг» имеют повсеместно принятые исходные точки — на полюсах. У понятий «Восток» и «Запад» такие базисные точки отсутствуют. Вопрос заключается в следующем: восток и запад чего? Все зависит от того, где вы стоите» [26, с. 60]. Значит, построение моделей социальных отношений на базе противопоставления частей света имеет свои достижения и пределы.

Другой важный географический климат. В XVII—XVIII вв. ряд мыслителей (Ж. Боден, Ж.-Б. Дюбо, Ш. Монтескье и др.) взяли данный параметр за основу создания особой климатоцентрической модели [19, с. 120—123]. Она позволила добиться некоторых успехов в социальном познании. Во-первых, классифицировать государства по данному основанию на находящиеся в жарком, холодном, умеренном климате. Во-вторых, признать последний из них наиболее приемлемым для существования людей. В-третьих, объявить по уровню интеллекта «южан» ленивыми, склонными к рабству, «северян» — вынужденными бороться за выживание, а потому не развивающих свои способности, «умеренных» — наиболее позитивными в умственном отношении. Хотя подобная модель и упрощала социальную действительность, но позволила относительно корректно привязать взятое из географии понятие «климат» к изучению общества.

Наконец, третьим географическим фактором, на базе которого осуществлялось моделирование в социальном познании XIX в., стала вода, точнее водные ресурсы Земли. На ее основе Л. И. Мечниковым создана мо-

дель, которую можно назвать аквацентрической [19, с. 123—125]. Она исходила из того, что исторический процесс целесообразно трактовать исходя из близости социальных объектов к водным акваториям. Достижения подобной модели: 1) выделение трех цивилизаций (речной, морской, океанической); 2) выведен закон их смены друг другом; 3) показано, что речные цивилизации были замкнутыми (автаркичными), морские — региональными, океанические — международными (глобальными); 4) «центр цивилизации» перемещался от одного города к другому. Динамика цивилизаций выражала особенности главного географического фактора: «По прошествии ряда веков поток цивилизации (курсив авт.) спустился к морю и распространился по его побережью» [14, с. 329]. В итоге аквацентрическая модель (несмотря на отдельные недостатки) продемонстрировала, что социальное познание может строить теоретические конструкции и на базе такого географического фактора, как доминирующие типы акваторий.

Модели, пришедшие в социальное познание из географии, тоже показали свой высокий эвристический потенциал. Это обстоятельство привело к построению новых концепций как в рамках цивилизационного подхода, так и географического детерминизма.

Внешние аналоговые модели в социальном познании, возникшие на базе физики

Физика, особенно в XVIII—XIX вв., выступала важнейшей дисциплиной, из которой общественные науки черпали теоретические конструкции. Прежде всего, стоит отметить основателя позитивизма О. Конта. Взяв за образец классическую механику И. Ньютона, он попытался экстраполировать данную дисциплину на гуманитаристику в целом. В итоге у О. Конта появилась новая наука, которая сначала называлась «социальная физика» (хотя термин сохранил А. Кетле [10]), а потом стала именоваться проще (и в этом виде дошла до наших дней) — социология. Ей ставилась комплексная задача: 1) объединить существующие гуманитарные науки на предметном и методологическом уровне; 2) открыть законы развития общества (подобно тому, как классическая механика выявила аналогичные законы в отношении природного мира); 3) давать точные прогнозы его динамики.

Некоторые последователи О. Конта в лице Л. Гумпловича даже заявили, что

понятая таким образом социология — «фундамент всех наук, занимающихся отдельными частями человеческого общества» [6, с. 125]. Ибо она, «наблюдая исторический процесс, должна вывести из него социальные законы <...> Если эти законы познаны правильно, — они должны управлять (курсив авт.) настоящим и будущим так же, как они управляли прошедшим. В таком случае на место шатких ... вероятностей выступает трезвый, покоящийся на позитивном социальном знании ... расчет и предвидение будущего (курсив Л. Гумпловича)» [6, с. 123]. В итоге социология объявлялась позитивистами «главной» общественной наукой, а ее познавательная модель мыслилась как аналогичная физике.

Другой моделью, которую социальное познание взяло из классической механики, выступала трактовка общества как особого типа «механизма» (по аналогии с природными), а людей — как специфических «автоматов», реагирующих на внешние воздействия. На ее основе появились модели «социального механизма» (общество) и «телесного механизма» (человек).

Приведем один (из многих) примеров подобной модельной аналогии в духе «человек-машина». Так, в работе с одноименным названием Ж. Ламетри утверждал, что на поведение людей решающим образом влияет, с одной стороны, кровообращение и обстоятельства, которые его «усиливают, приостанавливают, ослабляют или ускоряют» [13, с. 290]. С другой стороны, — употребляемая пища, значение которой еще больше, чем крови. Как писал Ж. Ламетри, «человеческое тело — это заводящая себя машина, живое олицетворение беспрерывного движения. <...> Без пищи душа изнемогает, впадает в неистовство, и, наконец, изнуренная умирает. <...> Но если питать тело живительными соками..., то душа становится бодрой... Как велика власть пищи! Она рождает радость в опечаленном сердце...» [13, с. 183]. Получалось, что человек — почти такой же физический объект (механизм), как и остальные, только стимулируемый к деятельности особыми «питательными» веществами.

Однако в той же работе Ж. Ламетри можно встретить описание эмпирической ситуации, опровергающей выявленную закономерность. Казалось бы, прием пищи должен сделать человека добрее, но происходит все с точностью до наоборот. Знакомый философа юрист Штейгер натощак «...был самый справедливый и <...> самый снисходительный судья; но горе несчастному, оказывавшемуся на скамье подсудимых после сытного обеда судьи: последний способен был

тогда повесить самого невинного человека» [13, с. 184]. Отсюда даже для понимания мотивов поведения отдельных лиц (не говоря уже о коллективах) модель «телесного механизма» оказывалась ограниченной в своем эвристическом потенциале. Но фактические опровержения не влияли на сторонников подобной теоретической конструкции, уверенных в ее правильности.

Третья модель, взятая социальным познанием XVIII—XIX вв. из классической механики, — «социального притяжения/отталкивания». Поскольку в физическом мире одни тела притягивались, а иные — отталкивались друг от друга, постольку решено было перенести эту зависимость и на социум. Так, А. Кетле прямо утверждал, что «социальная система, наравне с физическими телами, подчинена двум родам сил: притягательным и отталкивающим» [11, с. 298]. Отсюда, например, чисто социальный объект — нацию — от трактовал как «тело, состоящее из однородных элементов, действующих единодушно и проникнутых одним и тем же жизненным принципом» [11, с. 148], т. е. «притягивающихся» друг к другу. Более того, не только общество, но индивиды, из которых оно состоит, вынуждены на микроуровне выбирать между силами притяжения и отталкивания. Чаще доминируют первые, тогда общество сохраняется, успешно развивается. «В таком состоянии антагонизма, притягательные силы, побуждающие людей соединяться между собою, одерживают обыкновенно верх и отсюда вытекают различные виды комбинаций» [11, с. 147]. Но так бывает не всегда. В случае различных социальных «болезней» (гражданских войн, кризисов и т. д.) преобладают силы отторжения, отталкивания, что ставит социальную систему на грань гибели.

Модель социального притяжения / отталкивания имела положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, жестко экстраполировала закономерности, выявленные физикой, на социальный мир, не всегда объясняя иные (более сложные) причины их происхождения. С другой стороны, такая теоретическая конструкция позволила сформировать в рамках социологи категории социальной статики и динамики, «насытить» их уже специфическим социальным содержанием.

Внешние аналоговые модели в социальном познании, построенные на базе биологии

Биология, в отличие от упомянутых выше дисциплин, изучала живую, а не косную природу, а потому была ближе к социальному познанию. Недаром в конце XX в. даже появляется особая область исследований — социобиология. Поэтому закономерно, что теоретические конструкции отсюда наиболее часто внедрялись в гуманитарные науки.

Прежде всего, стоит отметить модельные аналогии, полученные в социальном познании на базе прямого обращения к биологическим объектам. Так, А. А. Зиновьев по аналогии с муравейником ввел термин «человейник». Он разделил их на два вида: локальный (отдельное общество) и глобальный (человечество в целом). Однако первоначально аналогия приняла в основном терминологический характер: от понятия «муравейник» произведен его социальный двойник — «человейник». Далее философ вывел параметры моделируемого объекта. А. А. Зиновьевым выделены и общие функции обеих коллективов, позволяющие построить такую модель: 1) перманентное воспроизводство себе подобных особей; 2) обязательное взаимодействие индивидов как условие поддержания существования системы; 3) выполнение людьми и муравьями действий для самосохранения данной общности; 4) расположение на определенной точке пространства (территории) [8, c. 63-64].

В принципе для такого подхода есть основания: муравьи — социальные насекомые [28], а место их обитания справедливо рассматривается учеными как отдельный специфический организм, где каждая особь строго выполняет свои функции, генетически предрасположена к ним, не стремится попасть в более высокую нишу в поисках привилегий. (Муравей-рабочий не «желает» стать солдатом, а последние не побегут с поля боя из-за страха смерти, точно выполнят поставленный «полководцем» приказ и т. п.). Люди же, обладающие сознанием, не склонны к подобному слепому «подчинению» обществу, коллективу. Их требуется готовить к исполнению подобных ролей: например, длительный период обучать солдатскому мастерству, чтобы он стал хорошим воином, а у муравья эти умения «даны» от рождения. Кроме того, программа поведения человека формируется в процессе социализации обществом, а не дана ему генетически. Так что аналоговая модель «человейника» не во всем верна при описании социума, где у каждого индивида есть собственное сознание. У муравейника и социума как моделей общественного коллектива больше отличий, чем сходств и

подобную аналогию целесообразно применять крайне осторожно.

Другой вид аналогии на основе прямого обращения к становлению биологического мира — выявление закономерности «рождение — жизнь — гибель». Она подтверждалась эмпирически в отношении любого объекта живой природы, а потому неоднократно использовалась и для моделирования общественной динамики. В XVIII в. И. Г. Гердер утверждал: «жизнь нашу (людей — авт.) можно сравнить с жизнью растения: мы прорастаем, растем, цветем, отцветаем, умираем» [4, с. 40]. По аналогии с растительным миром описывал бытие социальных образований (культурно-исторических типов) в XIX в. Н. Я. Данилевский: «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [7, с. 92]. Впрочем, О. Шпенглер обосновывал подобный закон социальной жизни, взяв в качестве аналогии существование уже не растения, а индивида. С личного уровня такое обобщение экстраполировалось на социальный: «каждая культура проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть свое детство, возмужалость и старость» [29, с. 265]. Данная аналоговая модель получила наиболее широкое распространение в рамках цивилизационного подхода, позволяя описывать здесь локальные (замкнутые) цивилизации, их динамику. Однако за пределами данного объекта эвристический потенциал подобной теоретической конструкции падал.

Наконец, третья по важности аналогия, пришедшая в социальное познание из биологии и ставшая крайне популярной в XIX в., состоит в уподоблении общества организму, как правило, особому его виду: «социальному». Указанная категория нашла наибольшую разработку у Г. Спенсера, но проявилось и у А. Фулье, А. Шеффле, П. Ф. Лилиенфельда, В. М. Хвостова, И. В. Лучицкого, П. Н. Милюкова и др. Г. Спенсер выступал не просто за «уподобление общества живому телу» [23, с. 265]. Он полагал, что «в социальном организме, как и в индивидуальном, является жизнь целого, совершенно отличная от жизней отдельных единиц, хотя и слагающихся из этих последних» [24, с. 284].

Суть позиции, что социальный и биологический «организмы» сходны морфологически и по присущим им законам наиболее четко выразил Р. Вормс: «Анатомия, физиология и патология обществ воспроизводят — в больших размерах и с важными добавлениями и изменениями, но все же на той же основе — анатомию, физиологию и патологию организмов... Законы, управляющие членами общественного тела, отчасти по крайней мере, сходны с законами, управляющими клетками организма. Следовательно, все в обществе, элементы и законы, подобно (курсив авт.), не говорим тождественно — тому, что мы находим в теле отдельного человека» [2, с. 2—3].

В XX в. аналоговая модель «общество организм» тоже нашла продолжение у ряда специалистов. Ю. И. Семенов использует термин «социально-исторический организм» («социор»), предполагающий под собой «отдельное конкретное общество, которое представляет собой относительно самостоятельную единицу исторического развития» [22, c. 21]. У В. М. Чернышева «общество рассматривается как «живой организм со свойственной всем живым системам логикой самодвижения и саморазвития. Понять эту логику можно, проведя аналогию между природным (биологическим) живым объектом и общественным организмом» [27, с. 391]. По мнению В. М. Чернышева, в общественном организме (который он по аналогии с организмом красноречиво назвал «Органоид») «инфраструктура в правильном сочетании с общественным производством создают нормальную Среду, подобную живой, разумной, целесообразной системе — без болезней и паразитов, вроде «глистов» [27, с. 392].

Последовательно развиваясь, аналогии по линии «социум — организм», «человек — социум» должны были неминуемо пересечься. Это нашло отражение в модели «общество-мозг» Г. Тарда (которая частично относится к психологии, но в большей степени порождена биологией). Логика движения к такой позиции видится следующей. Социум состоит из людей, представляющих собой биологические организмы, но их главным органом, позволяющим отличить человека от животных (вспомним выражение Р. Декарта «я мыслю, следовательно, существую»), выступает мышление, расположенное в соответствующем материальном носителе (мозге). Отсюда вывод Г. Тарда: «общество вообще представляет собой <...> большой собирательный мозг, в котором отдельные маленькие индивидуальные мозги являются клеточками» [25, с. 158]. Тем самым социум моделировался по образу и подобию главного мыслительного органа человека (а сам реальный индивид уподоблялся клеткам мозга — «нейронам»).

В итоге биология — наука, изучавшая человека как представителя животного мира и окружавшие его царства животных, растений, грибов, бактерий, стала дисциплиной, давшей социальному познанию в XIX—XX вв. наиболее интересные аналоговые модели. Их основой могли быть: конкретные биологические сообщества (модель человейника), общие универсальные стадии становления подобных организмов (рождение — жизнь — гибель), уподобление социума биологическому организму в целом, отождествление общества с органом мышления человека (мозгом). Тем самым при изучении общества эволюция внешних аналогий, полученных на базе биологии, шла по направлению от природных образований к социальным и дошла до антропоцентризма.

Заключение

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам.

- 1. Необходимо и далее работать над содержанием понятий «внутренние» и «внешние аналоговые модели» в социальном познании. Требуется разработка форм их проявления, способов влияния на науку.
- 2. В работе рассмотрены лишь несколько естественнонаучных дисциплин, давших внешние аналогии социальному познанию: геология, география, физика, биология. Однако их на самом деле было гораздо больше. Поэтому процесс выявления аналоговых моделей, пришедших из естественных наук в гуманитарные, надо продолжить.
- 3. В статье выделены только некоторые аналоговые модели, которые естественные науки дали гуманитарным. Отсюда требуется осуществить их выявление и классификацию применительно к каждой дисциплине. Возможно, к естествознанию целесообразно будет добавить и технические науки.
- 4. Не всегда можно четко провести методологическую границу между внешними и внутренними аналоговыми моделями. К примеру, теоретическая конструкция «общество-мозг», как уже говорилось, возникает на стыке биологии и психологии. Однако делать подобную работу целесообразно.
- 5. В каждом конкретном социальном исследовании модели, пришедшие из естествознания, трансформируются применительно к предмету и порой источник их «происхождения» со временем трудно идентифицировать. Так, у С. Хантингтона на основе геологического понятия «разлом» возникла ориентированная на изучение цивилизаций категория «конфликты по линии

разлома». Но осуществлять такую работу надо, чтобы видеть причины достижений и неудач моделирования в гуманитарных науках.

- 6. Внешние аналоговые модели целесообразно обязательно адаптировать, приспосабливать к условиям познания и методологии гуманитарных дисциплин. В противном случае, при их прямой экстраполяции из естествознания (как наглядно показал опыт заимствования моделей из физики, особенно позитивистами в лице О. Конта и его последователей, механицистами в лице Ж. Ламетри и др.) социальное познание не избежит множества ошибок, противоречий.
- 7. Интересная тема причины (мотивы), по которым ученые-гуманитарии прибегают к внешним аналоговым моделям из естествознания. Они могут быть как ментальными, эстетическими, мировоззренческими, так и чисто познавательными, прагматическими.
- 8. Целесообразно подробно рассмотреть эвристический потенциал (познавательные возможности) внешних аналоговых моделей в социальном познании как в каждом конкретном случае, так и в целом.
- 9. Иногда в изучении общества происходит пересечение внешних и внутренних аналоговых моделей. Характерный пример методология контрфактических исторических исследований [16]. В некоторых случаях (синергетика и системный подход) модели точки бифуркации и системы выступают внешними по отношению и к естествознанию, и к гуманитарным дисциплинам. Таково характерное воплощение важного свойства современного научного познания междисциплинарности.
- 1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
- 2. Вормс Р. Общественный организм. СПб. : Изд. Ф. Павленкова, 1897. 246 с.
- 3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.
- 4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 704 с.
- 5. Гоббс Т. Левиафан. М. : РИПОЛ-классик, 2016. 672 с.
- 6. Гумплович Л. Основы социологии. М. : ЛЕНАНД, 2017. 366 с.
- 7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Кни-
- га, 1991.430 с. 8. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М. :
- Центрополиграф, 2000. 358 с. 9. Ильин В. В. Философия истории. М. : Изд-во МГУ, 2003. 380 с.
- 10. Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1911. 333 с.

- 11. Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 311 с.
- 12. Комиссаров И. И., Максимов М. А. Эвристическая роль внешних психологических аналогий в построении социальных моделей // Гуманитарный вестник. 2018. Вып. 6. С. 1—14. URL: http://http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/532.html (дата обращения: 20.08. 2018).
- 13. Ламетри Ж. О. Сочинения. М. : Мысль, 1976. 509 с.
- 14. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Прогресс: Пангея, 1995. 464 с.
- 15. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. 878 с.
- 16. Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 102—120.
- 17. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Модели в экономической теории: структура, перспективы развития // European Social Science Journal. 2016. № 5. С. 100—108.
- 18. Нехамкин В. А., Комиссаров И. И. Модели в гуманитарном познании: сущность, функции, перспективы исследования. Калуга: Калуж. печат. двор, 2018. 236 с.
- 19. Нехамкин В. А. Географический детерминизм как направление в философии истории XVIII—XIX вв.: возможности и ограничения // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 119—128.
- 20. Поморцева А.М. Цивилизационный разлом: проблема концептуализации //Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 1. С. 193—198.
- 21. Савельева И. М. Альтернативный мир: модели и идеалы. М.: Наука, 1990. 208 с.
- 22. Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.: Соврем. тетради, 2003. 776 с.
- 23. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск : Соврем. литератор, 1999. 1408 с.
- 24. Спенсер Г. Основания социологии. СПб. : Тип. Пороховщикова, 1898. 708 с.
- 25. Тард Г. Социальная логика. СПб. : Соц.-психол. центр, 1996. 552 с.
- 26. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : ACT, 2016. 640 с.
- 27. Чернышев В. М. Среда общественного организма. М.: Мера, 1998. 518 с.
- 28. Шовен Р. От пчелы до гориллы. М. : Мир, 1965. 297 с.
- 29. Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1993. 663 с.

References

- 1. Veber M. (1990) Izbrannye proizvedeniya. Moscow, Progress, 808 p. [in Rus].
- 2. Vorms R. (1897) Obshchestvennyj organizm. St. Petersburg, Izdanie F. Pavlenkova, 246 p. [in Rus].
- 3. Gegel' G.V.F. (1993) Lekcii po filosofii istorii. St. Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].
- 4. Gerder I.G. (1977) Idei k filosofii istorii chelovechestva. Moscow, Nauka, 704 s. [in Rus].
- 5. Gobbs T. (2016) Leviafan. Moscow, RIPOL-klassik, 672 p. [in Rus].

- 6. Gumplovich L. (2017) Osnovy sociologii. Moscow, LENAND, 366 p. [in Rus].
- 7. Danilevskij N.Ya. (1991) Rossiya i Evropa. Moscow, Kniga, 430 p. [in Rus].
- 8. Zinov'ev A.A. (2000) Na puti k sverhobshchestvu. Moscow, Centropoligraf, 358 p. [in Rus].
- 9. Il'in V.V. (2003) Filosofiya istorii. Moscow, Izdatelstvo MGU, 380 p. [in Rus].
- 10. Ketle A. (1911) Social'naya fizika, ili opyt issledovaniya o razvitii chelovecheskih sposobnostej. Kiev, Tipografiya I.I. Chokolova, 333 p. [in Rus].
- 11. Ketle A. (2012) Social'naya sistema i zakony, eyu upravlyayushchie. Moscow, LIBROKOM, 311 p. [in Rus].
- 12. Komissarov I.I., Maksimov M.A. (2018) *Gumanitarnyj vestnik*, no 6 (68), pp. 1—14 [in Rus].
- 13. Lametri Zh.O. (1976) Sochineniya. Moscow, Mysl', 509 p. [in Rus].
- 14. Mechnikov L.I. (1995) Civilizaciya i velikie istoricheskie reki. Moscow, Progress, Pangeya, 464 p. [in Rus].
- 15. Mizes L. (2000) Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ehkonomicheskoj teorii. Moscow, Ekonomika, 878 p. [in Rus].
- 16. Nekhamkin V.A. (2011) *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*, no. 1 (4), pp. 102—120. [in Rus].
- 17. Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. (2016) *European Social Science Journal*, no. 5. pp. 100—108. [in Rus].
- 18. Nekhamkin V.A., Komissarov I.I. (2018) Modeli v gumanitarnom poznanii: sushchnost', funkcii, perspektivy issledovaniya. Kaluga, Kaluzhskij pechatnyj dvor, 236 p. [in Rus].
- 19. Nekhamkin V.A. (2018) *Socium i vlast'*, no. 3 (71), pp. 119—128 [in Rus].
- 20. Pomorceva A.M. (2013) *Nauka. Innovacii. Tekhnologii*, no 1, pp. 193—198 [in Rus].
- 21. Savel'eva I.M. (1990) Al'ternativnyj mir: modeli i idealy. Moscow, Nauka, 208 p. [in Rus].
- 22. Semenov Yu. I. (2003) Filosofiya istorii. Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnej. Moscow, Sovremennye tetradi, 776 p. [in Rus].
- 23. Spenser G. (1999) Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie. Minsk, Sovremennyj literator, 1408 p. [in Rus].
- 24. Spenser G. (1898) Osnovaniya sociologii. St. Petersburg, Tipografiya Porohovshchikova, 708 p. [in Rus].
- 25. Tard G. (1996) Social'naya logika. St. Petersburg, Social'no-psihologicheskij centr, 552 p. [in Rus].
- 26. Hantington S. (2016) Stolknovenie civilizacij. Moscow, AST, 640 p. [in Rus].
- 27. Chernyshev V.M. (1998) Sreda obshchestvennogo organizma. Moscow, Mera, 518 s. [in Rus].
- 28. Shoven R. (1965) Ot pchely do gorilly. Moscow, Mir, 297 p. [in Rus].
- 29. Shpengler O. (1993) Zakat Evropy: v 2 t. T.1. Moscow, Mysl', 663 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.

External analog models in social cognition: causes, typology, prospects for application // Socium i vlast'. 2019. № 1 (75). P. 21—30.

UDC 009; 303.09

EXTERNAL ANALOG MODELS IN SOCIAL COGNITION: CAUSES, TYPOLOGY, PROSPECTS FOR APPLICATION

Valery A. Nekhamkin,

Bauman Moscow State Technical University, Professor of the Department Chair of Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor. Russian Federation, 119602, Moscow, ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1 E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

The paper evaluates the role of external analog models in the humanities, in cognizing the society. The author shows the reasons for the appearance of such structures. The author clarifies the definition of this concept. The demarcation of external and internal analog models generated by social knowledge itself is carried out. The paper reveals natural sciences and theoretical constructs from which geology, geography, physics, and biology are extrapolated to the humanities. The paper demonstrates the strengths and weaknesses of external analog models that have been elicited in the course of their practical application for studying man and society. It is concluded that to be used in social cognition the external analog models should necessarily be categorically and methodologically tested. It is stated that searching for external analog models that have come to social cognition from natural sciences is not limited to those given in the work and should be continued. The article is addressed to philosophers, historians, sociologists, and other specialists interested in the problems of modeling in the humanities.

Key concepts: social cognition, model, internal analog models, external analog models.